

— Неужели? — в мёртвой тишине Е Линь слегка склонил голову набок.

На его обычно бесстрастном лице сейчас застыла холодная отрешённость, не выдававшая ни единой мысли. Он по-прежнему сжимал дверную ручку. Из его горла вырвался едва слышный звук — то ли тихий смешок, то ли подавленный рык.

В его тёмных глазах метались зловещие тени, взгляд казался ледяным и пугающим. Он сделал шаг вперёд. Дверь за его спиной захлопнулась, отрезав свет, и на мужчину пала густая, зловещая тень, окутав его пугающей мглой.

Лингуан инстинктивно почуял опасность. Он выпрямился и, опёршись подбородком на ладонь, пристально посмотрел на вошедшего.

Сюань Юнь ошеломлённо застыл и запинаясь вымолвил:

— Е Линь, это дело...

Раздался короткий писк.

Е Линь молча поднял руку и бесстрастно оборвал видеосвязь.

Он приблизился слишком стремительно — полы его плаща ещё продолжали колыхаться, когда он уже вырос перед Лингуаном. Лицо Е Линя потемнело от гнева; в его пугающем взоре сквозило нечто чуждое, нечеловечески холодное и безжалостное. Это гнетущее, потустороннее ощущение вновь тисками сдавило грудь Лингуана, заставив его внутренне напрячься.

Как только Е Линь снова поднял руку, Лингуан рывком прижал к груди поминальную табличку, стоявшую на столе. словно ошетилившийся, загнанный в угол кот, оберегающий свою добычу, он уставился на противника полным настороженности взглядом. Е Линь, который и не думал прикасаться к табличке, замер. Из его груди вырвался короткий, язвительный смешок — то ли над Лингуаном, то ли над самим собой.

[Этот паршивец... С меня хватит! Хозяин, давай просто заразим его!]

«Заразить?»

Пальцы Е Линя дрогнули. Его взгляд скользнул к изящным губам юноши.

«Если заразить его, этот рот больше никогда не произнесёт слов, которые мне не по душе. Если он превратится в безмозглого зомби, станет ли он наконец послушным?»

Не обращая внимания на сопротивление, Е Линь коснулся его щеки — кожа была нежной и тёплой. Прекрасные фениксовые глаза Лингуана округлились, а их изящные уголки сердито приподнялись. В этот миг он походил на дикого, но безумно милого лисёнка.

— Твой покойный муж... здесь? — Е Линь резко схватил стоящий рядом Фонарь призыва душ. Тусклый огонёк свечи оказался зажат в его ладони. Слабое пламя испуганно затрепетало, готовое угаснуть от малейшего сжатия пальцев.

Заметив это, Лингуан отчаянно рванулся вперёд, пытаясь перехватить артефакт:

— Верни! Отдай мне!

Он всем телом навалился на мужчину, закинув голову и изо всех сил пытаясь дотянуться до светильника. Е Линь с жестокой усмешкой поднял руку высоко над головой. Лингуану оставалось лишь цепляться за его плечи, тщетно стараясь дотянуться до заветного предмета.

Стоило Е Линю опустить взгляд, как перед ним открылись изящные ключицы; свободный свитер натянулся на приподнятых руках Лингуана, обнажая мягкие очертания живота. Тонкие, словно выточенные из нефрита пальцы отчаянно тянулись вверх. Не держи Е Линь фонарь, он непременно перехватил бы эти ладони, переплёл бы их пальцы со своими, упиваясь этой близостью до самого гроба.

Но всё это было лишь несбыточной, безумной фантазией.

— Так сильно дорожишь им? Значит, он действительно внутри, — глухо произнёс Е Линь.

Второй рукой он перехватил запястье юноши и опустил его вниз, удерживая и медленно потирая нежную кожу. Ревность и обида всё же взяли верх.

Е Линь резко придвинулся вплотную, грубо обхватил пальцами подбородок Лингуана и заставил посмотреть себе в глаза. В этой удушающей, болезненной близости он процедил сквозь зубы:

— Неужели ты ни капли, ни единого мгновения не любил меня?

«Неужели не было ни единого шанса?»

Лингуан упрямо вскинул подбородок, не отрывая взгляда от зажатого в чужой руке Фонаря призыва душ. Он лишь слегка сощурился и мимолётно, словно отмахиваясь от пустяка, бросил:

— За последнюю тысячу лет мне слишком часто задавали этот вопрос.

Он выдержал паузу и добавил:

— И мой ответ всегда один...

Е Линь замер, не сводя тяжёлого взгляда с этих губ, которые безжалостно обронили:

— Нет. Никогда. Ни единой секунды.

В уголке губ Лингуана промелькнула едва заметная, полная жалости усмешка, ранившая сильнее любого клинка. Все старания Е Линя оказались тщетными. Никакие усилия не могли растопить сердце, которое давным-давно без остатка принадлежало другому. Тот человек погиб на пике их любви. Юные супруги, выросшие вместе, связанные священными узами верности и нежности, которой не суждено было угаснуть.

«Почему... почему оно так болит?»

Грудь Е Линя словно разрывало на части. Он не понимал природы этой мучительной боли. Стиснув руками область сердца, он беспомощно согнулся пополам, судорожно глотая воздух и задыхаясь от невыносимого страдания.

— Ты хочешь, чтобы он вернулся, — процедил Е Линь, сжимая бронзовый корпус фонаря с такой силой, что металл жалобно застонал.

Какая глупость — твердить, будто ему не нужно сердце Лингуана, а достаточно лишь его тела. В конце концов, даже это тело душой принадлежало покойнику. Е Линь просто оберегал чужого супруга.

В этот миг ему безумно хотелось задушить упрянца. Он запустил пальцы в ярко-алые волосы Лингуана, заглядывая в его великолепные глаза, которые так хотелось навеки сберечь в своей коллекции.

Если заразить его, эти чудесные красные пряди потускнеют, а глаза навсегда лишатся живого блеска. Зато он навеки останется с Е Линем.

— Если я продолжу наполнять фонарь силой, он ведь рано или поздно вернётся, так? — произнося это, Е Линь словно заживо препарировал собственную душу.

Лингуан промолчал, но ответ и без слов был очевиден. Пальцы Е Линя сжимались всё сильнее. Древний бронзовый светильник трещал под этим давлением, огонёк внутри испуганно метался. Запертая в нём слабая душа затрепетала, вспыхнув призрачным зелёным светом сквозь узкие щели.

Видя это, Лингуан больше не мог сдерживаться из чувства вины. Он мёртвой хваткой вцепился в запястье Е Линя, резким точечным ударом заставив его разжать пальцы. В ту же секунду Лингуан ударил ногой по его руке, подбивая светильник вверх. В воздухе свистнул ярко-алый хлыст, мгновенно обвивая рукоять Фонаря призыва душ и увлекая его обратно к владельцу.

Лингуан спрыгнул с алтарного стола и без малейших колебаний бросился к выходу.

Но тяжёлая рука бесцеремонно обхватила его за талию и рванула назад. Е Линь швырнул его на кровать. Лингуан перекатился по покрывалу и попытался подняться, но на него навалилась непреодолимая тяжесть чужого тела.

Е Линь прижал его к матрасу и, склонив голову, легонько щелкнул пальцем по бронзовому боку фонаря:

— Отпусти. Отдай его мне.

Лингуан спрятал фонарь на груди, отчаянно вцепившись в него обеими руками. Он резко отвернулся, буравя мужчину яростным взглядом:

— Прочь! Не смей прикасаться ко мне!

Он брызгал ядом, но Е Линь, чей разум уже затмила тёмная пелена, лишь наблюдал за тем, как отчаянно юноша оберегает осколки души покойного супруга. На губах мужчины появилась жуткая, хищная усмешка.

— Что ж, не хочешь отпускать — не надо, — на удивление мягко прошептал Е Линь.

Прежде чем Лингуан успел хоть что-то предпринять, мужчина склонился к его шее и резко прикусил острый кадык. Сила укуса была выверенной — кадык судорожно ходил ходуном под его горячим дыханием, задевая влажный кончик языка.

Почувствовав, как чужие пальцы скользнули под его одежду, Лингуан яростно забился, пытаясь ударить насильника ногами, но его движения были легко и жёстко пресечены.

Однако Е Линь не собирался заходить дальше. Он лишь крепко обхватил его за талию, медленно и собственнически поглаживая чувствительную кожу над поясницей. Лингуан, не имея возможности вырваться, продолжал отчаянно извиваться под ним. Сжимая пальцами измятые простыни, он сквозь слёзы закричал:

— А-Цин... А-Цин!..

Его глаза покраснели от гнева и бессилия, худощавое тело залил лихорадочный, унижительный

румянец, а из-под дрожащих ресниц покатались крупные, похожие на драгоценный жемчуг слёзы. Их жар обжигал кожу. Зажатый в объятиях бронзовый фонарь больно врезался в предплечья Лингуана, оставляя на нежной коже уродливые багровые следы, похожие на причудливые, зловещие цветы.

Е Линь тихо, хрипло рассмеялся, и в этом смехе сквозило странное, пугающее умиротворение:

— Держи его сколько угодно. Сейчас ты ещё помнишь его лицо, но совсем скоро забудешь.

Он нежно провёл согнутым пальцем по щеке Лингуана и довольно прищурился:

— В твоей памяти останусь только я.

— Тогда я лучше сдохну! — Лингуан упрямо вскинул голову, его лицо было мокрым от непрерывно льющихся слёз.

Эти слова заставили Е Линя мгновенно стереть улыбку с лица. Мимолётное торжество угасло, сменившись угрюмым молчанием. Он бережно коснулся пальцами оставленного им же багрового следа на шее юноши.

— Больно? — его голос прозвучал тихо, с искренней, щемящей нежностью.

Лингуан с отвращением дёрнулся в сторону, пытаясь скинуть с себя чужую руку, и процедил сквозь зубы:

— Лицемер. Сгинь.

Е Линь замер. Медленно, почти послушно он убрал руку.

«Что ж... неважно».

Он давно привык к этому отношению.

Мужчина снова потянулся к огненным волосам юноши. Тот упорно молчал, но стоило пальцам Е Линя коснуться внешнего уголка его глаза, как Лингуан резко подался вперёд и мёртвой хваткой вцепился зубами в чужую ладонь. В его алых глазах полыхнул яростный, дикий огонь мятежного божества. Он кусал со всей силы, до хруста костей. Тёмная, густая кровь ручьями хлынула из раны.

Но Е Линь лишь крепче обнял его, словно успокаивая капризного питомца. Он продолжал гладить Лингуана по голове, тихо баюкая его хриплым, шелестящим шёпотом:

— Хороший мой, тише... Всё хорошо. Потерпи совсем немного. Будет больно лишь секунду.

Он прижался своим лбом к его лбу, заглядывая в самую глубину зрачков. Радужка Е Линя подернулась зловещей багровой пеленой. Сдерживаемый доселе вирус пробудился, стремительно растекаясь по его венам. Дыхание мужчины замедлилось и окончательно замерло. Горячая кровь потемнела, окрашиваясь в пугающий иссиня-чёрный цвет. Тело Е Линя начало стремительно преображаться, принимая истинный облик первородного зомби. Его кожа стала ледяной, взгляд затуманился мертвенной серостью, а стук сердца в груди затих, превратившись в безмолвие.

С тихим, ласковым ворчанием он прижался губами к незащитной шее Лингуана. Его губы разошлись, обнажая острые, смертоносные клыки, способные с лёгкостью разрывать плоть.

Он вонзил их глубоко в мягкие ткани. Концентрированный трупный яд мгновенно хлынул в кровоток божества. Е Линь жаждал обратить его, сделать подобным себе — ведь тогда Лингуан больше никогда не сможет его покинуть.

— Мгх!.. — пальцы Лингуана судорожно впились в ткань простыни, комкая её с нечеловеческой силой.

С его губ сорвался задушенный, полный боли всхлип. Вирус, подобно тысяче ядовитых змей, в одно мгновение расползся по всему телу. Яд проникал в каждый сустав, выжигал кровеносные сосуды и, наконец, мёртвой хваткой обвил бьющееся сердце, безжалостно вонзая в него свои острые чешуйки.

Лингуан вскрикнул, но тут же намертво закусил губу. Тело его сотрясала крупная дрожь. Собрав последние силы, он мёртвой хваткой вцепился в волосы Е Линя, отказываясь умолять о пощаде. Жизнь стремительно покидала его вместе с вытекающей кровью. Разум заволокла удушливая тьма.

Сквозь плотную пелену забытья до него доносились чьи-то далёкие, приглушённые голоса, спорившие о чём-то в панике. Этот шум казался шумом проливного дождя за глухой стеной. Но затем чья-то холодная ладонь сжала его пальцы, и раздался тихий, безнадежный шёпот:

— Ты не любишь меня...

— Тогда скажи, кто тебе нужен? Какой он?

Лингуан приоткрыл невидящие, остекленевшие глаза и уставился в окно, за которым кружились крупные хлопья пушистого белого снега. Его бледные губы едва заметно шевельнулись.

Мужчина склонился к самой его груди, пытаясь разобрать едва различимый шёпот:

— А-Цин... дракон... мой А-Цин...

— Дракон... Тебе не нравятся те, чей век короток, верно?

— Хорошо. Теперь я знаю.

В безмолвной комнате на диване сидел мужчина. Его одежда была насквозь пропитана кровью. Сцепив пальцы в замок, он низко опустил голову, подпирая лоб руками. Лишь тихий, жалобный стон, донёсшийся с кровати, заставил его очнуться от оцепенения.

Е Линь попытался подняться, но в тот же миг в его сознании раздался голос Системы:

[Хозяин, ты ведь остановил заражение, да?]

Е Линь опустился на край постели. Простыни были залиты кровью — по большей части его собственной, чёрной и липкой. Лингуан лежал среди этого багрового хаоса, бледный и едва дышащий, словно жертва жестокого убийства.

Будь Е Линь чуть настойчивее, примени он ещё каплю своей тёмной силы, и воля юноши была бы сломлена навсегда, превратив его в послушного раба вируса. Разумеется, Е Линь не собирался делать его безмозглым чудовищем. Он планировал лишь подавить его волю, сохранив разум и память, чтобы сделать Лингуана своим вечным спутником, неспособным на сопротивление.

Но он раскаялся. Стоило ему услышать тот отчаянный, полный боли крик, как его решимость испарилась. Он вовремя отступил.

Поняв, что хозяин безмолвно сидит у постели и больше не сделает ни шагу к обращению, Система издала раздосадованный и бессильный вздох:

[И что нам теперь делать? Он тебя не любит. Ты для него — лишь средство для достижения цели, удобная игрушка.]

Е Линь бережно взял безжизненную ладонь Лингуана и другой рукой осторожно стёр следы крови с его бледного лица.

«Я отдам ему жизнь Е Линя в качестве компенсации».

[Хозяин?! погоди...]

Прежде чем Система успела возразить, Е Линь заблокировал её, погрузив во тьму. Он остался один на один с засыпающим юношей.

Он ласково погладил Лингуана по щеке, а когда заметил, что к тому постепенно возвращаются чувства, склонился ниже и нежно коснулся губами его мочки. Раньше здесь висела массивная серьга — его подарок, но она оказалась слишком тяжёлой и ранила нежную кожу юноши.

— Я хотел подарить тебе кое-что другое, — тихо прошептал Е Линь. Он уже давно выбрал новый подарок, но теперь время неумолимо истекало.

Он помедлил, а затем бережно поцеловал влажный уголок его глаза:

— Больше я не заставлю тебя плакать.

Мужчина взял в руки Фонарь призыва душ, которым так дорожил Лингуан. Внутри покоилась угасающая искра души его погибшего супруга. Е Линь знал: если непрерывно подпитывать артефакт своей внутренней энергией, этот человек сможет вернуться в мир живых.

И в этот момент в его голове зародилась единственная отчётливая мысль:

«Е Линю здесь больше нет места».

— Не страшно, что ты меня не любишь, — едва слышно прошептал он.

Лингуан безмолвно лежал, лишившись всяких сил. Чудовищная боль, которую он только что испытал, казалась лишь отголоском кошмарного сна. Едва разомкнув веки, он инстинктивно потянулся слабой рукой к зажатому в руках Е Линя бронзовому фонарю.

На губах Е Линя промелькнула грустная улыбка, и он слегка отвёл руку в сторону, не давая забрать артефакт.

Пальцы Лингуана бессильно соскользнули, ударившись о жёсткий край кровати. Резкая боль мгновенно вернула его к реальности — это был не сон. Юноша рывком сел, из последних сил пытаясь вырвать фонарь.

В его прекрасных глазах снова вспыхнуло яростное, гордое пламя:

— Отдай! Живо верни его мне!

— Я убью тебя, тварь!

Несмотря на крайнюю слабость, он яростно бросился на Е Линя, хватая его за плечи и едва не разрывая в клочья его окровавленную одежду. В этой вспышке гнева не осталось и следа от недавнего изнеможения.

Е Линь слегка отклонился назад, удерживая равновесие, и тихо спросил:

— Если твой муж никогда не вернётся... ты сможешь полюбить меня?

В ответ раздался хлёсткий, звонкий удар.

Лингуан изо всей силы влепил ему пощёчину. Если прежде его движения были скованы чувством вины, то теперь от неловкости не осталось и следа — только холодная, непоколебимая решимость.

— Терпеть не могу короткоживущих тварей, — отчеканил Лингуан.

Подобный вопрос обычно означал скрытую готовность измениться ради любимого. Но Лингуан, которого этот безумец едва не загрыз прямо на постели, давно послал к чёрту любые угрызения совести.

Е Линь погрузился в раздумья.

«Тебе не нравятся короткоживущие... Значит, твоё сердце принадлежит дракону?»

— Хорошо, — негромко произнёс он. У него ведь была эта личность.

— Что? — Лингуан опешил.

Е Линь посмотрел на него с абсолютной серьёзностью и отчётливо повторил каждое слово:

— Хорошо. В следующий раз этого не повторится.

Эти слова прозвучали странно и не к месту. Не понимая их истинного смысла, Лингуан лишь презрительно фыркнул:

— Думаешь, у тебя будет следующий раз?

— Будет, — спокойно ответил Е Линь.

Встретившись с ним взглядом, мужчина прижал ладонь к бронзовому фонарю и начал

безудержно вливать в него свою жизненную энергию.

Под воздействием этой колоссальной силы сокрытая внутри израненная душа почувствовала родное тепло. Она вострепелась, запульсировала и вспыхнула невероятно ярким сиянием. Древние узоры на корпусе фонаря один за другим налились светом, порождая мощный прилив духовной силы, заструившейся вокруг подобно бушующим волнам. Осколок души послужил маяком, созывающим мёртвых.

Крошечный, размером с горошину изумрудный огонёк разгорелся до невероятных масштабов. Призрачное пламя яростно заплясало, отбрасывая на стены длинные, уродливые тени и озаряя их лица мертвенным светом. Густой потусторонний туман пополз по полу, увлекая реальный мир в ледяную, безмолвную бездну царства мёртвых.

Бесчисленные призрачные силуэты заскользили по углам комнаты. Их безмолвные крики и стоны боли эхом отдавались в завываниях ледяного потустороннего ветра. Глаза Лингуана расширились, в них робко затеплилась надежда. Он бережно, почти благоговейно прикрыл ладонями пламя фонаря, боясь упустить этот единственный шанс вернуть мужа.

Е Линь мягко накрыл его ладони своими, удерживая их прямо над бушующим призрачным огнём. В отсветах зелёного пламени на его лице проступила странная, пугающе весёлая улыбка.

— Хочешь, чтобы он вернулся? — его голос внезапно стал ледяным. — Мечтай больше.

Лингуан вздрогнул и попытался вырвать фонарь, но Е Линь легко уклонился, отступив в глубокую тень. Светильник в его руках продолжал изрыгать потусторонние лучи, окрашивая его мертвенно-бледное лицо в призрачные тона. В этот миг он сам казался выходцем с того света.

Глядя на испуганного юношу, Е Линь едва заметно шевельнул губами:

— Я не позволю ему вернуться при мне.

— Что?.. — Лингуан в ужасе застыл, заметив, как мужчина прижал ладонь к собственной груди.

Раздался резкий, влажный хруст — словно разорвали плотный лист пергамента. Е Линь без малейшего колебания вонзил пальцы в собственную плоть, разрывая грудную клетку. Он запустил руку внутрь и медленно извлёк наружу своё уродливое, почерневшее от яда сердце. Тяжёлые, тёмные капли крови лениво закапали на пол.

В расширенных от ужаса глазах Лингуана отражался безумец, который с разверзнутой грудью медленно приближался к нему, бережно неся в ладонях сочащееся кровью сердце. Юноша

судорожно зажал рот рукой, его ресницы мелко дрожали от шока. Окровавленная плоть оказалась прямо перед его лицом.

Слабый, угасающий голос Е Линя зазвучал над самым ухом:

— Я действительно любил тебя...

— Говорят, чтобы получить взамен нечто столь же ценное, нужно отдать своё сердце. Я остался должен тебе подарок, но мне больше нечего преподнести. Я не знаю, сочтёшь ли ты это отравленное сердце искренним подарком... Но в следующий раз...

— Ну же, не плачь... — Е Линь попытался бережно стереть слёзы с его щеки окровавленными пальцами.

Он на мгновение задумался, а затем горько усмехнулся:

— Хотя нет, плачь. Ведь твой муж теперь точно не вернётся.

Без Е Линя и его безграничной энергии Лингуан никогда не сможет пробудить сокрытую в фонаре душу. В глубине души мужчина почувствовал мимолётное, злое удовлетворение от этой маленькой мести, но оно тут же сменилось новой волной тоски.

Странно. Сердце уже лежало в его ладонях, но в груди всё ещё невыносимо болело.

«Оно и впрямь испортилось...»

Он брезгливо отшвырнул окровавленный кусок плоти в сторону и с искренним огорчением выдохнул:

— Оно сломалось. Такое уродство я не могу тебе подарить.

Лингуан забыл, как дышать. Он заворожённо смотрел, как окровавленное сердце упало на пол, судорожно дёрнулось несколько раз и окончательно затихло в луже стремительно остывающей крови. За свою долгую жизнь Лингуан повидал бесчисленное множество трупов, сам лишил жизни тысячи существ и прошёл через пекло сотен войн. Но сейчас, то ли от пережитого кошмара, то ли от ядовитых паров ритуала, его разум подкинул ему страшную иллюзию.

В призрачных отсветах зелёного пламени ему на миг показалось, что на полу лежит истерзанное тело Ао Цина. Его возлюбленный, его названный старший брат, его наставник — самый близкий и дорогой человек на всём белом свете — стоял перед ним, собственноручно разрывая грудную клетку и вырывая бьющееся сердце...

И это сердце теперь валялось на грязном полу, превратившись в безжизненный, уродливый кусок плоти.

Его дыхание стало частым и прерывистым, лицо залил болезненный румянец, а взгляд остекленел от неопишуемого ужаса. Лингуан мог лишь беспомощно наблюдать за тем, как залитый кровью Е Линь безумно улыбается ему.

— Раз сердце пришло в негодность, у меня остался Кристалл перехода, — прохрипел тот и медленно занёс руку над собственным лбом.

Лингуан окончательно потерял рассудок от ужаса. Он мёртвой хваткой вцепился в плечи Е Линя, отчаянно мотая головой, пока слёзы градом катились по его щекам:

— Нет... Прекрати! Пожалуйста, не надо!..

Он умолял его точно так же, как тысячу лет назад на коленях молил Ао Цина не оставлять его. Лингуан едва не рухнул на колени.

Е Линь непонимающе уставился на него. Его искренне озадачила эта реакция:

— Ты же ненавидишь меня... Почему тогда плачешь?

— Неужели из-за того, что твой муж теперь навеки заперт в этой жестянке?

Эта мысль показалась ему единственно верной. С каждой секундой зажатый в руке бронзовый фонарь раздражал его всё сильнее, вызывая дикое желание разбить его вдребезги. Но невыносимее этого были лишь непрекращающиеся слёзы Лингуана.

И тогда Е Линь принял решение.

На глазах у онемевшего юноши он резко развернулся и выпрыгнул в распахнутое окно.

С уст Лингуана сорвался испуганный крик. Выбежав к окну, он увидел, как тяжело рухнувшее во двор тело поднялось и медленно побрело прочь, оставляя за собой широкий, зловещий след на девственно-чистом снегу. Лингуан бросился следом. Крови было невероятно много. Юноша впервые осознал, сколько её может быть в обычном человеке.

Посреди этой багровой тропы он заметил нечто блестящее и поднял окрашенный кровью Кристалл перехода К30. Гладкий, напоминающий чистейший нефрит конусообразный камень тускло мерцал в лучах холодного солнца.

Сделав ещё несколько шагов, он увидел брошенный в сугроб Фонарь призыва душ. Пламя внутри него окончательно погасло. Лингуан упал на колени и принялся отчаянно разгребать ледяной снег голыми руками, пока пальцы не онемели и не покраснели от холода, прежде чем ему удалось вызволить драгоценный артефакт.

Быстро проверив содержимое, он убедился, что искра души внутри не угасла — напротив, благодаря колоссальной энергии Е Линя она окрепла и налилась силой. Однако разум Лингуана всё ещё пребывал во власти пережитого потрясения: перед его глазами раз за разом прокручивалась картина самоубийства возлюбленного.

Забыв обо всём, он выронил фонарь и, пошатываясь, бросился вперёд по кровавому следу. Ноги заплетались, он споткнулся о скрытую под снегом корягу и тяжело повалился в сугроб.

Чьи-то заботливые, тёплые руки бережно приподняли его за плечи. Лингуан резко вскинул голову, вглядываясь в лицо спасителя:

— Е Линь!..

Надежда в его глазах мгновенно угасла. Это был не он.

Перед ним, преисполненный глубокой тревоги, стоял Сюань Юнь.

Сюань Юнь торопливо снял своё тяжёлое зелёное армейское пальто и накинул на дрожащие плечи юноши.

— Почему ты выбежал на мороз в одном свитере? — взволнованно спросил он. — И откуда здесь столько крови?

Лингуан оцепенел. Он судорожно вцепился в рукав друга, его глаза метались в панике:

— Погоди... Е Линь... Е Линь... Он... Он!..

Земля ушла у него из-под ног, мир вокруг стремительно закружился в безумном хороводе. Последнее, что он запомнил перед тем, как окончательно лишиться чувств — встревоженное лицо Сюань Юня, склонившееся над ним.

В это же самое время на верхнем ярусе Звёздной администрации на огромном голографическом экране Нефритовой бабочки творения изображение одного из кандидатов внезапно пошло глубокими трещинами и бесследно растворилось.

Бай Цзэ, почувствовав неладное, удивлённо приподнял голову:

— А?

Он успел заметить лишь то, как запись о совместимости бесследно исчезла из базы данных Системы.

—... То есть его действительно больше нет?

— Какая нелепость... Как теперь Лингуану с этим жить?

Тихий, приглушённый шёпот доносился из-за полуоткрытой двери. Закончив срочный разговор по коммутатору, Сюань Юнь тихо вздохнул и вошёл в комнату.

Перед ним предстала картина, пугающе похожая на ту, что он видел во время их первого звонка после встречи с Е Линем. Лингуан неподвижно сидел перед поминальной табличкой своего покойного супруга. Сизые струйки благовоний призыва душ медленно поднимались к потолку, мягко размывая его безупречные, но безжизненные черты лица. Юноша успел переодеться, но всё ещё кутался в просторное армейское пальто, поджав колени к груди. Казалось, он застыл в этой позе целую вечность назад.

Сюань Юнь молча поставил перед ним чашку с горячей водой, придвинул стул и тяжело вздохнул:

— Я отправил поисковый отряд. Мы прочесали всё, но никаких следов Е Линя обнаружить не удалось. Сама знаешь, в этих глухих районах почти нет камер наблюдения...

Он замялся, не зная, как преподнести страшную правду.

Лингуан не шевельнулся. Не отрывая взгляда от деревянной таблички, он хрипло произнес:

— Я слышал твой разговор с Бай Цзэ.

Е Линь действительно погиб.

Связь, установленная Нефритовой бабочкой творения, не могла оборваться просто так. Тот факт, что Е Линь бесследно исчез, оставив после себя лишь море крови, не оставлял пространства для иллюзий. Лингуан и сам прекрасно понимал, что произошло.

Сюань Юнь не нашёл слов. Он искренне хотел уберечь друга от этой вести. Он не знал подробностей их рокового разговора, но Лингуан вернулся в полубессознательном состоянии, с головы до ног испачканный чужой кровью.

— Выпей воды. Тебе нужно согреться, — тихо произнёс он, не зная, как ещё облегчить его боль.

Лингуан послушно взял чашку обеими руками и сделал небольшой глоток, после чего снова опустил подбородок на колени. Его взгляд оставался туманным.

— Кажется, я совершил ужасную ошибку... И теперь расплачиваюсь за неё, — прошептал он, и его ресницы заблестели от набегающих слёз.

Он упрямо вскинул голову. Гордость не позволяла ему разрыдаться при свидетелях, но покрасневшие глаза выдавали бушевавшую в душе бурю.

— Что же между вами произошло? — мягко спросил Сюань Юнь.

Лингуан не решился рассказать всё. Он отвернулся и поспешно вытер слёзы ладонью, но они хлынули нескончаемым потоком, смывая остатки самообладания:

— А-Цин... Мне показалось, что А-Цин снова погиб прямо у меня на глазах... Это всё из-за меня... Из-за меня...

Его плечи судорожно заходили ходуном, слова тонули в безутешных рыданиях. Сюань Юнь крепко обнял его, пытаясь успокоить, и лишь спустя долгое время смог восстановить примерную картину случившегося по несвязным обрывкам фраз.

Узнав о том, что натворил Е Линь, Сюань Юнь пришёл в неопиcуемый ужас:

— Он... как он мог пойти так далеко?!

Просто из-за того, что его отвергли, решиться на такое... Сюань Юнь даже не находил подходящих слов для порицания. Что же касается кошмара Лингуана, то старший бог счёл это паническим бредом, вызванным выбросом духовной энергии из повреждённого фонаря и шоком от созерцания чужого самоубийства.

Он принялся яростно проклинать безумца Е Линя, настойчиво убеждая Лингуана, что всё увиденное им — лишь игра воспалённого разума. Ао Цин погиб тысячи лет назад, и Е Линь сам сотворил это с собой. Лингуан ни в чём не виноват.

Будучи преданным другом, Сюань Юнь без малейших колебаний переложил всю вину на погибшего.

— Раз тебе здесь всё напоминает о пережитом, возвращайся на Инхо, — ласково предложил он.
— Там у тебя полно пернатых друзей, да и климат гораздо теплее. Тебе нужно прийти в себя в привычной обстановке.

Лингуан лишь тихо, гнусаво угукнул в ответ, шмыгнув носом.

Он достал из кармана Кристалл перехода К30. В полумраке комнаты драгоценный камень заиграл ослепительными, радужными искрами.

— Это... осталось от Е Линя, — негромко произнёс юноша. Он совершенно не представлял, что делать с этим осколком.

Опасаясь, что напоминание о трагедии будет лишь беречь раны друга, Сюань Юнь заботливо предложил:

— Как раз недавно Бай Цзэ искал чистый источник энергии высокой концентрации для модернизации энергосистемы Главной планеты. Отдай его мне. Я сам займусь этим вопросом и обменяю его на полезные для тебя ресурсы. Обещаю, ты не останешься в обиде.

Лингуан, пребывавший в глубокой апатии, безучастно кивнул.

Заметив, что тот немного успокоился, Сюань Юнь поспешил закрепить успех:

— Тогда собери самые необходимые вещи. Переночуешь у меня, а завтра я провожу тебя на рейс до Инхо. Идёт?

Лингуан вновь послушно согласился.

Сюань Юнь не позволил ему утруждать себя сборами и сам быстро упаковал всё необходимое. Лингуану оставалось лишь крепко прижимать к груди поминальную табличку Ао Цина. Ощущение прохладного дерева в руках немного отрезвило его, вернув лицу здоровые краски.

Когда они покидали территорию Природного заповедника, взгляд Лингуана зацепился за высокое, около двух метров, дерево, росшее прямо у ворот одного из коттеджей. Обильно припорошенное снегом, оно напоминало обычную декоративную ель, но Лингуан без труда узнал в нём Дерево Дисю.

Дерево Дисю — легендарное растение древности, чьи листья обладали чудесным свойством умирять душевную тревогу и печаль. Считалось, что этот вид бесследно исчез миллионы лет назад. Правительство расы Яо до сих пор обещало колоссальную награду любому, кому удастся вырастить хотя бы один побег этого священного древа.

Лингуан невольно замедлил шаг под его раскидистыми ветвями. Трудно сказать, подействовала ли так аура Дисю, но на душе у него действительно стало немного легче.

«Воистину божественное дерево», — отрешённо подумал он. Лингуану безумно захотелось отломить небольшую веточку на память, если у этого чуда не было хозяина.

В этом доме обитал Девятихвостый лис из рода Юсу. По какой-то причине он всё ещё не покинул заповедник. Распахнув окно и заметив у своих ворот яркую алую фигуру, он довольно прищурился. Лис ещё ничего не знал о случившемся с Е Линем, а потому весело крикнул:

— Эй, Чжуцюзэ! Когда ты заберёшь своё дерево Дисю? Если не выкопаешь его в ближайшие дни, после моего отъезда его просто заберёт государство!

Лингуан изумлённо замер и смерил его подозрительным взглядом:

— С каких это пор благородные лисы променяли соблазнение на банальное враньё?

Девятихвостый лис весело расхохотался:

— Да ты никак не в курсе? Этот упрямец Е Линь вырастил его специально для тебя. Помнится, он утверждал, будто все благородные пернатые любят отдыхать исключительно на ветвях божественных деревьев.

— Что ты имеешь в виду? — Лингуан нахмурился и сделал пару шагов вперёд. На его бледном, утомлённом лице вновь проступили живые эмоции.

Лис заметил зажатую в его руках поминальную табличку и стоящего неподалёку Сюань Юня с дорожными сумками. Улыбка мгновенно сошла с его лица:

— Погоди... Неужели ваша помолвка расстроилась, и ты улетаешь на Инхо? А как же дерево?

И главное — что теперь делать Е Линю? Но откуда лису было знать о его участи!

Лингуан бросил короткий взгляд на покрытые инеем ветви Дисю, резко развернулся и стремительным шагом направился к машине Сюань Юня. Не проронив ни слова, он запрыгнул на переднее сиденье.

Сюань Юнь едва успел догнать его:

— Погоди, не руби с плеча. Давай просто свяжемся с Писью и всё выясним.

Лингуан молча вывел голографический экран и набрал нужный номер. Стоило вызову завершиться, как он без лишних приветствий спросил:

— Та древесина Дисю, которую ты продал Е Линю... это были семена?

Писью на том конце провода опешил:

— Что за чушь? Будь у меня семена этого дерева, я бы уже озолотился! — фыркнул он, но тут же осмыслил услышанное, и его глаза округлились от шока. — Да ладно... Не может быть! Неужели у него действительно получилось?!

— Что именно тебе известно? — ледяным тоном спросил Лингуан.

Его аура сейчас была пугающей как никогда. Казалось, сделай собеседник хотя бы одно неверное движение, и разгневанный бог Чжуцзюэ пройдёт сквозь экран голограммы, чтобы лично отправить его к праотцам.

Писью, уловив эту волну смертоносного гнева, в испуге вжал голову в плечи:

— Эй-эй, моей вины тут нет! Я всего лишь обмолвился как-то, что все древние пернатые божества привыкли гнездиться на священных деревьях. Ну, вроде как Цзинью предпочитает Фусан, а Фэнхуан — благородный утун. Разве я не прав?

— Я честно предупредил его, что прорастить такое дерево практически невозможно, да и у меня самого была лишь крошечная сухая ветка! Но он непременно хотел вырастить целое дерево, чтобы преподнести его тебе. Так что я тут ни при чём, он сам настоял на сделке!

Заметив, как потемнел взгляд Лингуана, Писью поспешно осёкся и замолчал.

Лингуан медленно опустил руку. Его мысли невольно вернулись к заснеженному стволу Дисю. Он рывком распахнул дверцу машины, выскочил наружу и устремился обратно к воротам коттеджа. Сюань Юнь безуспешно звал его вслед, но догнать не мог.

Когда Сюань Юнь наконец нагнал друга, тот неподвижно стоял под раскидистыми ветвями Дисю, устремив задумчивый взгляд ввысь. На его лице не отражалось никаких эмоций.

Писью тем временем робко пытался разузнать у Сюань Юня по параллельному каналу, что стряслось, но тот просто проигнорировал звонок.

Подойдя ближе, старший бог осторожно коснулся плеча юноши и тихо спросил:

— Лингуан, ты в порядке?

— А-Цин обладал точно таким же даром, — внезапно негромко произнёс Лингуан.

Ао Цин был Лазурным Драконом Востока, повелителем стихии Дерева. Одним лишь своим вздохом он мог пробудить к жизни увядающий мир или повергнуть его в прах. Он оберегал всё живое на земле, безраздельно делясь своей первозданной силой с окружающим миром. Везде, где ступала его нога, расцветали сады и шумели густые изумрудные леса. И большинство семян древних божественных деревьев уцелели лишь благодаря его заботе.

Лингуан и представить не мог, что Е Линь решится на подобное ради него.

«Зачем он сделал это? Зачем тратил силы на бесплодное семя? С какой стати решил, что имеет право дарить мне такие подарки?»

Из динамика всё ещё доносился испуганный шёпот Писью:

— Клянусь, это вышло случайно! Он просто где-то услышал, что тебе очень нравится отдыхать в тени Дерева Дисю, вот и засыпал меня вопросами. Я даже не думал брать с него плату, он сам всучил мне деньги...

— Замолчи! — резко оборвал его Лингуан.

Он стоял, низко опустив голову. Огненные пряди скрывали его лицо, мешая разглядеть выражение глаз, но в его позе и холодном голосе сквозило такое гнетущее уныние, что Сюань Юнь не решился докучать расспросами. Поспешно отключив вызов Писью, он мысленно пообещал уладить с ним это недоразумение позже, а пока просто остался стоять рядом с другом.

Снег крупными хлопьями ложился на их плечи. Внезапно Лингуан опустился на колени прямо в сугроб и принялся голыми руками разгребать ледяную землю у корней Дисю. Его изящные, аристократичные пальцы, которые обычно мгновенно краснели от малейшего сквозняка, теперь безжалостно зарывались в холодную грязь.

Сюань Юнь не стал его отговаривать. Он лишь молча опустился рядом и принялся помогать, попутно отправляя распоряжение службе доставки, чтобы те аккуратно перевезли священное дерево.

Девятихвостый лис не смел вмешиваться и лишь молча наблюдал за происходящим из окна. Когда Лингуан наконец уехал вслед за грузовой платформой, перевозившей Дисю, лис осторожно подошёл к Сюань Юню и шёпотом поинтересовался:

— Послушай, а что вообще стряслось?

Сюань Юнь лишь покачал головой и тихо вздохнул:

— Всё наладится. Обязательно наладится.

Лингуан прожил на свете слишком долго. Даже столь сильное потрясение не могло сломить его дух навсегда, и рано или поздно он должен был оправиться от удара.

Узнав точную дату возвращения друга на Инхо, Божественный Лорд Белый Тигр, Бай Чанфэн, решил устроить по этому случаю грандиозный приветственный ужин. Оседлав свой звёздный челнок «Синее пламя», он на полной скорости примчался к космопорту, неся под мышкой огромную неоновую вывеску, переливавшуюся всеми цветами радуги. Расположившись прямо у главного выхода, он поправил широкие поля своей старинной шляпы-вэймо, скрывавшей лицо под полупрозрачной вуалью.

На табло горела вызывающе яркая надпись:

[Горячая встреча Божественного Лорда Вермилиона!]

Стоило Лингуану сойти с трапа звёздного лайнера, как его взору предстало это кошмарное буйство красок, способное вызвать эпилептический приступ у любого неподготовленного зрителя. Рядом с сияющим табло стоял парень в безупречно белом классическом костюме и нелепом головном уборе с вуалью.

Лицо Лингуана мгновенно потемнело. Он попытался сделать вид, что не знает этого безумца, и резко развернулся в противоположную сторону. Однако Бай Чанфэн уже заметил его и деловито выудил из кармана мощный рупор, набирая в лёгкие побольше воздуха.

Лингуан пришёл в ужас. В мгновение ока он преодолел разделявшее их расстояние и молниеносным, сокрушительным ударом ноги разнёс рупор в щепки, а следующим движением отправил аляповатое неоновое табло в полёт прямо до мусорного утилизатора, стоявшего в полусотне метров.

Бедный автомат-мусоросборник на секунду завис, издав жалобный металлический скрежет, его крышка несколько раз конвульсивно хлопнула, пытаясь переварить столь габаритный предмет.

Лёгкий ветерок колыхнул шёлковую вуаль шляпы Чанфэна. Он ошарашенно перевёл взгляд с пустующего места на Лингуана:

— Мать твоя птица! Братец, ну ты даёшь! Каков удар! Давай прямо сейчас устроим дружеский спарринг? Ну же, пойдём помахаемся!

Он театрально рухнул на колени, цепляясь за полы пальто Лингуана, и взвыл на весь терминал:

— О великий владыка, ударь меня ещё раз!

— Не щади этот хрупкий цветок, давай предадимся безудержному веселью истинных мужей!

Окружающие мгновенно обернулись на крики. Сгорая от стыда под прицелом десятков любопытных взглядов, Лингуан прижал ладонь к лицу и мёртвой хваткой вцепился в шиворот своего непутёвого младшего брата, волоча его к выходу:

— Заткнись и иди! Живо!

Всю дорогу до стоянки Бай Чанфэн не умолкал ни на секунду. Он с упоением анализировал кинематику сокрушительного пинка брата, перечислял изысканные вина, припасённые для сегодняшнего банкета, и не забывал поддразнивать Лингуана за его измождённый вид после поездки на Главную планету.

Лингуан лишь холодно усмехнулся. Игнорируя протесты и вопли брата, он ловким движением выхватил из его рук ключи от звёздного челнока:

— Считай, что твоя ласточка временно сменила владельца.

Он бесцеремонно спрятал ключи в карман, конфисковав транспорт.

Чанфэн завыл от отчаяния. Когда его безжалостно запихнули на заднее сиденье флайера, его взгляд выражал глубокую экзистенциальную скорбь:

— Ты бесчувственный, бессердечный эгоист! Хнык...

Лингуан парировал без тени жалости:

— О как? Тогда ты — вдвойне бесчувственный, вдвойне бессердечный и в кубе эгоист!

— Нет, это ты величайший зануда во всей вселенной!

— До тебя мне расти и расти...

Они препирались как малолетние дети всю дорогу, и даже у входа в ресторан их шутливая перепалка не думала утихать.

Стоило им переступить порог заведения, как чья-то крепкая рука по-хозяйски обняла Лингуана за плечи. Птица Чунмин расплылся в широкой улыбке, весело хохоча:

— Ха-ха-ха! Вы что, в детский сад вернулись? Что за детские обиды?

Сюаньяно покатился со смеху:

— Ой, не могу! Да первоклассники и то изощрённее ругаются!

— Не скажи. Лингуан в красноречии всегда превосходил нашего Белого Тигра, — лениво протянул Господин Кунь.

Цзинью тут же подхватил тему:

— Да неужели? И какие же новые эпитеты он освоил, помимо привычных «придурок», «мусор» и «извращенец»?

— «Бесчувственный, бессердечный эгоист»! — хором выкрикнула компания.

Просторный отдельный кабинет огласился взрывом искреннего хохота. Атмосфера царила невероятно тёплая и непринуждённая.

Лингуан беззлобно огрызнулся:

— Да пошли вы все.

Друзья-птицы шумно увлекли его за стол. Начался весёлый хаос: каждый стремился перекричать другого, делясь последними сплетнями. Эта стайка божественных пернатых мало заботилась о высоких материях или философских концепциях — их разговоры крутились вокруг самых обыденных, житейских мелочей.

Сюаньяно и Цзинвэй, которые вместе держали ресторанный бизнес, увлечённо щелкали семечки, перебивая косточки постоянным клиентам. Чунмин одним махом осушил бутылку крепкого спиртного, шумно выдохнул и принялся жаловаться на упадок в сфере животноводства — мол, вести дела нынче стало сущим наказанием. Куньпэн, занимавшийся поставками морепродуктов, лениво кивал в знак согласия. Но не успел он закончить мысль, как компания шумно перевела разговор на новую тему.

Цзинью начал ворчать, что Кунцюэ в очередной раз умудрился обломать ветку священного дерева Фусан, и его терпение уже на исходе.

Кунцюэ, уже изрядно захмелевший, с грохотом хлопнул ладонью по столу и сердито крикнул:

— Да сколько можно поминать мне эту злополучную ветку?! Если я тебе так надоел, давай

просто разведёмся! Всё, развод!

Лингуана шумно подначивали сидевшие рядом приятели:

— Драка! Драка! Давай!

Добродушный Бог весны, Цзюймань, поспешил вмешаться, пытаясь сгладить углы:

— Ну полно вам, это всего лишь сухой сучок. Не стоит ссориться из-за пустяков.

В ответ раздался разочарованный гул — зрелище сорвалось. Куньпэн со вздохом отложил семечки, жалея об упущенном веселье.

На душе у Лингуана потеплело, с его губ не сходила мягкая улыбка. После нескольких бокалов вина он слегка захмелел и теперь, лениво подперев голову рукой, прислушивался к болтовне друзей. Время от времени он вставлял меткое слово, если тема казалась ему занятой. Всем было безумно хорошо в этой шумной, весёлой компании.

Вдруг к Лингуану подсел Цзюймань и с мягкой полуулыбкой поинтересовался:

— Слышал, ты ездил на свидание вслепую? И как впечатления?

При этих словах в комнате мгновенно воцарилась гробовая тишина.

Чунмин удивлённо захлопал глазами:

— Свидание? Это когда он успел... Мпф!

Сюанья ловко зажал ему рот ладонью и утащил в угол.

Остальные поспешно возобновили прерванный спор, пытаясь замять неловкую тему. Но Цзюймань, словно не замечая наэлектризованной атмосферы, продолжал выжидающе и ласково смотреть на Лингуана.

Лингуан крутил в пальцах бокал. Его лицо на миг помрачнело, и он без особого интереса поставил вино обратно на стол:

— Ничего особенного.

— Вот как? — протянул Цзюймань и неторопливо продолжил: — До меня дошли слухи, что твой

избранник — обычный полукровка без определённого рода занятий, да ещё и с несносным характером. Как по мне, он совершенно тебе не пара.

Терпение Лингуана окончательно лопнуло. Он раздражённо цыкнул сквозь зубы и резко бросил:

— Откуда такой живой интерес к моей личной жизни?

— Я лишь краем уха услышал... — Цзюймань поспешно осёкся, пытаясь перевести разговор на другое.

Однако все присутствующие уже обменялись неловкими взглядами. Напряжение стало почти осязаемым. Лингуан помрачнел ещё сильнее и с ядовитой усмешкой процедил:

— «Краем уха», говоришь? И при этом знаешь всё до мельчайших подробностей. Странно, я и сам не подозревал, что мы с ним «не пара».

Он с размаху опустил бокал на стол и поднялся с места. Цзюймань проводил его встревоженным взглядом.

Куньпэн лениво протянул:

— И ты не пойдёшь за ним?

Цзюймань неловко извинился перед собравшимися и поспешно бросился следом за ушедшим.

Остальные божественные птицы лишь недовольно заворчали.

— Вот же заноза...

Лингуан вышел на улицу и не торопясь пошёл вдоль мостовой. Ночной ветер на Инхо был куда мягче и теплее ледяных сквозняков Главной планеты, так что юноша совсем не мёрз в своём лёгком свитере.

Догнавший его Цзюймань попытался накинуть своё пальто ему на плечи, но Лингуан резким движением уклонился от заботы.

— Ты любишь меня? — его взгляд, устремлённый на Бога весны, был пронзительным и леденящим.

Цзюймань опешил и смущённо признался:

— Лингуан... Я слышал о твоём свидании и подумал... неужели ты наконец решил двигаться дальше и больше не ждать Ао Цина?

Он спросил об этом с робкой надеждой в голосе. Лингуан лишь досадливо поморщился и отвернулся, ускоряя шаг.

Цзюймань поспешил за ним, торопливо заговорив:

— Да, я люблю тебя! Очень люблю! Мы ведь оба принадлежим к роду божественных птиц, мои силы ничуть не уступают силе Ао Цина. Мы с тобой могли бы...

Он настойчиво шёл следом, но Лингуан упрямо шагал вперёд с ледяным выражением лица, всем видом демонстрируя нежелание слушать этот бред.

Внезапно из-за тёмного поворота навстречу им выбежал случайный прохожий и со всего размаху врезался в Цзюйманя. Раздался шуршащий звук, и по тротуару веером покатились спелые фрукты.

Лингуан недовольно обернулся на шум.

Цзюймань уже опустился на одно колено, вежливо помогая незнакомцу собрать рассыпавшуюся покупку.

Прохожий приподнял голову, негромко произнёс:

— Прошу прощения.

Его профиль на мгновение озарился светом уличного фонаря. Стоило Цзюйманю и Лингуану разглядеть черты его лица, как оба застыли, словно громом поражённые.

Раздражение на лице Лингуана мгновенно сменилось мертвенной бледностью. Он сделал невольный шаг вперёд, его глаза расширились от непередаваемого потрясения.

Его губы беззвучно задрожали, и из горла вырвался хриплый, прерывистый всхлип:

— Это... ты...

Раздался едва слышный гул.

В крошечной тьме виртуального пространства заскрежетали шестерни Нефритовой бабочки творения. Словно из чистейших глубин священного пруда, на поверхность вновь всплыло трёхмерное изображение. Оно медленно скользнуло в сторону и замерло бок о бок с портретом Лингуана.

Начался стремительный расчёт данных.

[Анализ совместимости завершён. Результат: 100%]

Эта запись мгновенно взлетела на самую вершину рейтинга, оставив далеко позади миллионы других кандидатов.

В ту же секунду на личный терминал Бай Цзэ пришло автоматическое уведомление от Системы.

Бай Цзэ удивлённо приподнял брови, глядя на экран:

— Хм? Кандидатом на совместимость снова назначен Лингуан?

<http://bllate.org/book/20308/2185669>